

18+

НАДЕЖДА СЕВОСТЬЯНОВА

Подари мне свою ЖИЗНЬ

Надежда Севостьянова

Подари мне свою жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618182

ISBN 9785005190123

Аннотация

Вы очень ошибаетесь, если думаете, что на свете нет ничего прекрасней любви... Не только есть, но и даровано каждому человеку, как Божье послание.

Подари мне свою жизнь

Надежда Севостьянова

© Надежда Севостьянова, 2020

ISBN 978-5-0051-9012-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я лежала в позе страуса, то есть спрятав голову в песок, вернее, в землю. Страусы это делают стоя, но встать я не могла, я и лежала то с трудом, но точно знала, что в земле у меня только голова, а моё молодое, крепкое и стройное тело торчало наружу. Я это чувствовала, потому что только что пришла в себя. Правда, я всё ещё боялась пошевелиться; если рядом со мной кто-то есть и наблюдает, пусть думает, что я в отключке. Хотя, представив себя со стороны, я подумала, что вряд ли кто-нибудь выдержал бы такое зрелище, тем более захотел бы воспользоваться моим беспомощным положением, если он только не некрофил. Ощущения потихоньку вернулись, но я не сразу выпростала голову из земляного сугроба. Выждав немного, я, наконец, выдернула то, что пока с трудом можно было назвать головой. Но подняться сразу я не смогла, потому что лежала на склоне оврага головой вниз. Точно знаю, что по собственной воле не могла здесь

оказаться. Овраг был не очень глубокий, я с трудом, но выбралась из него. Несмотря на шум в ушах и легкую тошноту, я выползла на неширокую дорогу. Встав на колени, я осмотрелась вокруг: справа был лес, слева – цветущий луг с васильками и маками. Сев на край оврага, я попыталась сосредоточиться и вспомнить, что было накануне. Я пришла к выводу, что кто-то меня сюда просто-напросто выбросил. Одета я была для этого вполне подходяще: маленькое чёрное платье и длиннющие черные сапоги на четырнадцатисантиметровых каблуках. Кто мог выбросить молодую красивую особу двадцати трёх лет в столь экзотичном наряде оставалось для меня полнейшей загадкой. Хотя вариантов наклёвывалось до фига: выбросили из машины на ходу, скинули с вертолётки или даже из самолётки (хотя вряд ли, если только не на бреющем полёте), похитили меня с какой-нибудь тусовки (на это намекал прикид) два орла, которые синхронно схватили меня и, пронеся над лесами и полями, вдруг, тоже синхронно, скинули в заброшенный овраг. Более экзотические версии (типа умыкания меня инопланетянами и тому подобное) я даже не рассматривала. Я склонялась к последней версии и даже знаю, почему орлы могли это сделать. Скорее всего их привлекли кристаллы Сваровски, которыми были расшиты голенища моих сапог. Всё логично: они схватили меня за ноги, каждому досталось по сапогу и, протаскивая какое-то расстояние (это предстояло ещё выяснить), бросили вниз головой. Это объясняет то, что она оказалась зары-

той в землю. Скорее всего орлы просто надорвались, я ведь девушка крупная, рост метр семьдесят семь, вес шестьдесят пять кило. Счастье, что при падении я не сломала себе шею.

Конечно, это был чистый бред, просто таким образом я пыталась восстановить мыслительную функцию, функция памяти пока не включилась. Я занялась самоидентификацией. Итак, моё имя?... По-моему, что-то на букву «Г»... Г... Г... Гвендалин! Это имя прямо выскочило из меня. Гвендалин?! Что ещё за хрень! Если имя такое, какое же тогда отчество? Не могу же я быть Ивановна. Гвендалин Ивановна! Бред! Моего папу не могут звать Ваней. А как? Что-то вертелось на языке на букву «К». Кирилл? Куприян? Нет, точно нет. Вспомнила – Казимир. Я что, Гвендалин Казимировна, полячка? А как с фамилией? Если папа поляк, значит какой-нибудь Поланский, Вайда или Кавалерович. Я перебирала всех знаменитых польских режиссёров. Нет, конечно, не они. По-моему, что-то тоже на «Г». Чёрт, у меня что, всё что ли на «Г». Казимир, Казимир... Гайсин. Да, да... Гайсин. Казимир Гайсин, он еврей. Я тоже. Еврей может быть кем угодно, хоть Казимиром, хоть Емельяном. А в какой стране он еврей? Судя по пейзажу, это может быть и Польша, и Россия, и даже Канада. Я поймала себя на мысли, что думаю по-русски. А говорить-то по-русски я могу? «Я помню чудное мгновенье – передо мной явилась ты, как мимолётное виденье, как гений чистой красоты». Я думаю и говорю по-русски, значит, я русская. Гвендалин Казимировна Гайсина.

Жесть! Ну что ж, бывает и хуже.

Чем дольше я сидела, тем меньше понимала, что мне делать дальше. Ясно, что надо идти, но не ясно, куда. Я поднялась с большим трудом на ноги и с высоты почти двух метров (рост плюс высота каблуков) начала из-под козырька руки озирать окрестности. Ничего, похожего на какие-нибудь строения, сооружения, я не наблюдала, и получалось, что абсолютно всё равно, куда идти. На таких каблуках идти невозможно, но проблема заключалась в том, что снять сапоги без посторонней помощи не было никакой возможности, потому что это были сапоги-чулки. Ни стоя, ни сидя они не стягивались. А кто же тогда освобождал меня от них раньше? Вдруг возник смутный образ молодого человека, настолько смутный, что разглядеть его мне не удалось и вспомнить его я тоже не смогла. Да и что грезить без толку. Снимай сама, как хочешь. Я попробовала потянуть за мысок сапога, но он был скользкий, я тянула в разные стороны, ничего, кроме боли в щиколотке не добилась. К несчастью, на сапогах не было молнии, на то они и сапоги-чулки. Адское изобретение, настоящий «испанский» сапог. Я медленно встала на каблуки и пошла просто вперёд, как Бог на душу положил. Так же, наверное, шла на казнь Жанна д'Арк, да и сапоги у неё были похожие. Идти по такой дороге на таких подпорках – это почти цирковой номер.

Вокруг была музыкальная тишина: шум ветра, пенье птиц, стрекотанье кузнечиков. Грех было идти молча, я за-

пела: " Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а так... »
Стало полегче, смущало только одно, как я могла прожить столько лет, будучи Гвендалин Казимировной.

Прежняя жизнь никак не возвращалась. Ничего, дойду куда надо, во всём разберусь. Дойду ли, вот в чём вопрос. Ноги разъезжались, складывались в колесо. Не думаю, что я делала больше двадцати шагов в минуту, шла уже по моим ощущениям не меньше часа и вдруг поняла, что никогда не была в подобной местности. А как я определила, что это – лес, а это – луг с васильками и маками? Я ведь никогда не видела ни того, ни другого. Вернулось воспоминание о большом городе с толпами народа, снующими между высотками. Я это очень любила. А лес и луга я, наверное, видела в кино и по телевизору. В натуре мне всё это понравилось больше, но мешало восприятию ощущение неустойчивости во время ходьбы. Каждую секунду я рисковала рухнуть с высоты своего немаленького роста. Ноги болели, голова чесалась (я, наверное, не всю землю вытрясла из волос), в желудке отчаянно скреблись две мышки, они также, как и я, отчаянно хотели жрать. Но в пределах видимости не наблюдалось никаких человеческих объектов, ни кафешек, ни «Макдональдсов», ни даже захудалых забегаловок.

Вдруг впереди что-то блеснуло, я почуяла близость воды, только сейчас я ощутила жгучую жажду. Я понеслась, насколько мне это позволяли «копыта», по направлению к источнику. Никогда ничему так не радовалась, как этому

небольшому чистейшему ручью. Вода была очень холодной, у меня заломило зубы, но я не могла остановиться, пила и пила. Я сидела на корточках, еле держала равновесие и, конечно, завалилась, задрав ноги. Напившись, я почему-то обесилела. Лежала и смотрела в небо. Странно, его я тоже, кажется, видела впервые. По организму гуляла стылая вода, я вспомнила сказку про "живую и мертвую» воду. Интересно, я сейчас какой воды напилась? Судя по ощущениям – мёртвой. Глаза слипались, навалилась приятная тяжесть, даже есть уже не хотелось, ничего не хотелось. Ну всё, мне кобздец. «И никто не узнает, где могилка моя». Ну и пусть, всё равно, наплев...

Открыла один глаз, второй почему-то не открывался. На втором кто-то сидел, маленький и мягонький, тёпленький такой, нежненький. Лежу, не шевелясь, только глаз кошу, чтобы рассмотреть, кто уселся мне на глаз. Толком ничего не разглядела, только силуэт: что-то кругленькое и пушистое. И тут, слышу писк: «Ну ты как там, дылда, очнулась, оглобля?» Ничего себе, вместо «здрасьте» тебя обзывает какая-то маленькая какашка!

– Сама ты, какашка. Ты чё тут развалилась, из-за тебя к ручью никто подойти не может.

– Что-то я тут никого не вижу.

– Конечно, не видишь, дурында одноглазая.

– Так ты ж меня сам одноглазой сделал. А ну, слазь!

И тут этот, не знаю, как обозвать, залезает мне на нос. Я

скосила глаза к переносице и с трудом, но всё-таки смогла рассмотреть «лапулю», я сразу его так окрестила. Представь-те себе: помесь котёнка, цыплёнка, крысёныша и змеёныша. Всех этих зверушек я видела в живом уголке в школе. Симбиоз получился такой жутковато-сюсипусенький, что я даже прослезилась.

– Ты чего ревёшь, дурёха?

– Ты – кто?

– Откуда я знаю? Ты сама-то знаешь, кто ты?

– Не уверена

– Не плачь, жаба. Всё ведь хорошо.

– Почему ты всё время обзываешься?

– А разве «жаба» – это обидно?

– Ты, наверное, жабу никогда не видел, а я видела в живом уголке, я совсем на неё не похожа.

– А что, бывают мёртвые уголки?

– Бывают, это там, где чучела.

– Что такое чучело?

Я молчала, не могу же я ему объяснить про чучела. Интересно, сколько он будет сидеть у меня на носу, у меня уже и глаза заломило. А чегой-то я развалилась тут?

– А можно я встану?

– А зачем?

– Не могу же я тут бесконечно валяться.

– Ну, тогда ползи.

– Я не ползаю, я хожу, на своих двоих, – я подрыгала но-

гами.

– А я думал, это у тебя такой хвост.

– Ну сейчас это, действительно, скорее хвост, чем ноги.

Но как только я встану, ты увидишь.

– А как же я? Возьми меня с собой.

– Куда?

– Туда, куда ты встанешь.

– А ты высоты не боишься?

– Не знаю, я не пробовал.

– Ну, держись крепче.

Я осторожно приподнялась и подставила «ему» ладонь.

Он переполз в неё и я постаралась как можно медленнее встать на свои «ходули». Я держала ладонь ближе к лицу, хотелось разглядеть «лапулю». Он был ещё «гризопулистей», чем показалось сначала.

Я по-прежнему не видела вокруг ничего примечательного.

– А где мы?

– Мы здесь.

– Где здесь?

– Ну что ты ко мне привязалась, ты сама-то откуда взялась?

– Я... с неба упала.

– Значит, ты – пададь.

– Вообще-то, да, но только больше меня так не называй.

– А почему?

– Потому что мне это неприятно.

– Не понял, ну ладно, а что тебе приятно?

– Вот пожрать сейчас было бы очень приятно. Я голодная.

– А что ты любишь пожрать?

– Лобстеров...., – стоп, чего это я, какие лобстеры? Я что, это когда-нибудь ела?

– А я тут ухватил пару нежных зелёных листочков, мне понравилось.

– Мне точно не понравится, я что, коза что-ли?

– Другого ничего предложить не могу. Слушай, а как тебя зовут?

– Кажется, Гвендалин.

– Ты чего, не уверена?

– Я ни в чём не уверена. Давай, я тебя буду как-нибудь звать, крысюля, например.

– Крысюля? А что, мне нравится.

– Слушай, крысюля, ты в это место как попал? Тоже с неба упал?

– Ага, вместе с тобой, я тоже падаль. Если бы не я, от тебя остались бы...

– ... только рожки да ножки?

– Именно, я – твоя духовная сущность.

– А почему я тебя раньше никогда не видела?

– Духовная сущность есть у каждого человека, она внутри, поэтому её не видно. Когда ты долбанулась, я отделился и выполз из твоего левого глаза.

Я внимательно посмотрела на крысюлю. Моя духовная сущность мне, в основном, нравилась, вот только крысозмей, проглядывающий сквозь милого пуховичка, меня несколько смущал. И ещё меня мучил вопрос, кто мог выбросить такую милашку в чистом поле.

– Слушай, крысюля, а кто нас сюда зафигачил?

– Я знаю только то, что знаешь ты. Кому-то ты сильно насолила. Ты совсем ничего не помнишь?

– Нет, я вспомнила только имя, отчество и фамилию, и то не уверена, что это я. Посуди сам, Гвендалин Казимировна Гайсина. Я удивляюсь, что с таким именем у меня ещё такая милая сущность.

– Я согласен, скорее всего, это кто-то из твоих подруг. У тебя подруги-то есть?

– Спроси чё полегче. Посмотри на меня, могут у меня быть подруги?

– Да, вряд ли, ну, если только очень страшненькие.

– Чё это? Я что, по-твоему, боюсь конкуренции? Да я люблю за пояс заткну.

– Вот- вот, не потому ли ты здесь? Вспоминай, что произошло, не всё же нам с тобой тут колупаться, тем более жрать тут нечего, а такую кобылу легче убить, чем прокормить.

– Слушай, крысюля, я так всегда грубо выражаюсь?

– Всегда, это недостаток воспитания или ты слишком избалована, или общаешься, в основном, с отбросами общества.

– С какими отбросами? Ты посмотри на меня, у меня на сапогах целое состояние. Скорее всего, я из бомонда, может актриса или певица.

– Ну-ка, спой чё-нибудь.

Я открыла рот, но из него вырвалось только хрипенье, перемешанное с запахом какой-то бормотухи. Я что, пила дешёвое пойло?

– Крысюля, чуешь, чем пахнет?

– Слава Богу, у меня нет обоняния в принципе. Понемногу ситуация проясняется, ты где-то надралась до дырявых трусов (твоё выражение) и тебя, как ненужную рухлядь, выбросили на помойку.

– А почему так далеко?

– От какого места далеко?

– А хрен его знает? Ну никаких ориентиров. Слушай, крысюля, залезай мне на головешник, посмотри, может что-нибудь узыришь? Блин, я хотела сказать, увидишь.

Я поставила крысюлю себе на голову и почти ничего не почувствовала, только невесомое шевеление.

– Ну что, видишь что-нибудь?

– Как красиво, везде только лес и поля.

– А сельпо какое-нибудь не видно?

– Сельпо? Это что и откуда ты про него знаешь, ты ведь никогда не была в деревне.

– Не знаю, мы так называем народ из деревни.

– Значит, это – ругательство? Нет, никакого такого народа

не видно. А вот дымок я вижу, то ли лес горит, то ли кто-то костёр развёл.

– Далеко? Дойти можно?

– Захочешь – дойдёшь. Я буду твоим навигатором.

– Держись крепче за мою шевелюру.

Мы двинулись в путь, крысюля время от времени командовал, как настоящий рулевой: «Поверни направо, поверни налево, сто метров вниз по склону», – и тому подобное. Вообще вдвоём идти было гораздо веселее и легче. В какой-то момент уже и я увидела дым на берегу ручья, который в этом месте представлял собой небольшую речушку. Костёр был на противоположном берегу. Возле костра виднелась фигура, мужская или женская, пока было не разобрать.

Ноги у меня отваливались, моста нигде не наблюдалось, и я решила перейти реку вплавь. Я рухнула в воду и попилила к другому берегу, дёргая ногами в сапогах; сил было всё меньше и меньше.

На берег я уже выползла окончательно обессилив. Лежала, закрыв глаза и тяжело дыша. Услышала приближающиеся шаги. Страх или волнения не было, уж очень выдохлась. Я лежала на животе и вдруг почувствовала, как кто-то меня переворачивает на спину. Лёжа на спине, увидела склонившееся надо мной очень красивое лицо. Не сразу поняла, что это мужчина, сбивали с толку длинные, до плеч, чёрные волнистые локоны и прекрасные синие, с длинными ресницами глаза. Я невольно зажмурилась. Как там в песне поёт-

ся: «ведь нельзя быть на свете красивой такой». Но в песне поётся о женщине. А тут мужик. Может, это – галлюцинация от переутомления, от удара башкой о землю? Я приоткрыла глаза, если это галлюцинация, то она затянулась.

– Как Вы себя чувствуете? – спросил мужик на незнакомом мне языке, но я абсолютно всё поняла.

Вообще, по самоощущениям, я, наверняка, получила высшее образование, но какое именно, пока не вспомнила. Скорее всего, что-то филологическое. И знаю, что каждый язык имеет свою мелодику. Так..., так... что-то начинаю смутно припоминать. Польский язык – это сплошное шипенье, венгерский – кудырлыканье индюка, корейский – собачий лай, японский – журавлиный клёкот, арабский – покашливанье человека, объевшегося пахлавой, итальянский – воркование голубей, английский – речь человека с парализованным языком. Мелодику русского языка я определить не могу, потому что являюсь его носителем, это сможет сделать только иностранец, не знающий его и имеющий музыкальный слух.

Мелодика языка, на котором говорил со мной этот необыкновенный человек, была мне не знакома. Перевод на русский происходил прямо у меня в голове, я поняла, что всё ещё нахожусь не в себе, потому что такое возможно только во сне или в бессознательном состоянии. На вопрос «ангела» (надо же как-то его обозначить, ну он уж точно не мужик) я ничего не ответила, я себя перестала ощущать: ничего не болело, не ныло, это, наверное, после купания.

Мой «ангел» был одет отнюдь не по-ангельски, на нём был белоснежный ватник, брюки небесно-голубого цвета, заправленные в длинные лакированные сапоги. Чумовой прикид. Интересно, он по-русски понимает?

– Здравствуйте, я чувствую себя хорошо, только очень есть хочется, – я старалась быть вежливой.

– Идёмте к костру, еда готова, я тоже проголодался.

– Могу я Вас о чём-то попросить, – с мольбой обратилась я к красавчику.

– Я догадываюсь.

Он ухватился за каблук и щиколотку и, слегка потянув, удивительно легко стянул с меня ненавистные уже мне сапоги, один за другим. Потом неожиданно стал массировать мне стопы, руки у него были как будто бесплотные, но мои ноги мгновенно ожили, боль ушла. С помощью его руки я поднялась и пошла к костру. И только тут я вспомнила о крысюле, стала копаться в волосах, но ничего не могла нащупать, в какой-то момент я почувствовала, как кто-то дёрнул меня за волосок, от боли я вскрикнула, «ангел» улыбнулся, но ничего не сказал. Так, крысюля на месте, я успокоилась. Мы расположились у костра друг напротив друга.

– Меня зовут Антоний, а как твоё имя?

Я хотела ляпнуть про Гвендалин, но подумала, что мой «ангел» меня просто засмеёт. Видок у меня для этого имени был неподходящий.

– А меня – Анфиса, – имя само выскочило из меня.

– Оно тебе очень идёт. Ты, действительно, похожа на цветок.

Я не краснею, когда вру, я – врушка, я это поняла только что. То, что моего визави зовут Антоний, меня не удивило. Ну не Ферапонт же, в конце концов.

На костре в это время готовилось кушанье, от запаха которого я чуть не упала в обморок. Антоний достал из холщёвого мешка миску из алюминия и такую же ложку и стал накладывать в неё ароматное варево, у меня потекли слюньки. Передав мне миску с едой, он вынул из того же мешка круглый хлеб и отломил от него хороший кусок и тоже протянул мне. Никогда, ни до, ни после, не ела ничего вкуснее. Это был всего лишь рыбный суп, проще говоря, уха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.